

МЕЖДУ СОЗИДАНИЕМ И ЗАВОЕВАНИЕМ. ЧАСТЬ 2. ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ И НЕСЫРЬЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА: ВТОРОЙ ФРОНТ

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: Ситуация мгновенного и радикального кризиса сырьевой модели и самого ресурсного социума рассматривается в контексте военной спецоперации. Неожиданность процесса и его немыслимая в обычных условиях скорость объясняется триггером сверх-большой политики как фактора обреченности сырьевой модели. Фатальная проблема заключается в мгновенной востребованности несырьевой альтернативы. Показано, что в целом такая компенсация на требуемых скоростях нереальна ни при каких обстоятельствах. Рассматривается предшествующий опыт «смены вектора развития» и перехода на производящую модель. На фоне обычных ошибок стратегии дерегулирования констатируется системное внутреннее сопротивление институциональным реформам, реализуемое заинтересованным паразитарным классом в формате подлинной войны за государство.

Ключевые слова: спецоперация, сырьевая модель, ресурсный социум, кризис, несырьевая альтернатива, импортозамещение, смена вектора развития, дерегулирование, война за государство.

1. Проблема размерности

В философии есть понятие: исторический размер события. Текучка эти вопросы обычно не затрагивает; в прямом и быстром реагировании все выглядит одноразмерным. Даже изломы, подобные нынешним и выпадающие не на каждое столетие, как таковые воспринимаются далеко не сразу или вообще не опознаются в качестве «событий века». Поначалу они могут выглядеть всего лишь исполнением оперативного плана или капризом гиперактивной политики. Кажется слишком понятным, как и почему они начинаются, как, когда и чем закончатся.

Ожесточенные конфликты и болезненные ломки тем более скрадывают размерность процесса. От сильных переживаний и усилий поле зрения резко сужается. Внимание, как от гипертонии, концентрируется, обрезая «поля». Что это было в действительности, видится «на расстоянии».

Наконец, бывают изменения и процессы уровня тектонических сдвигов, для наличных понятий и взглядов просто негабаритные. Они выходят далеко за рамки обычного здравого

смысла и бытовой разумности. В торжестве *common sense* диванная аналитика часто сравнивается с профессиональной. Но для таких явлений даже в науке может элементарно отсутствовать язык описания, не говоря о концептуализации. Здесь требуются специальные, расширенные техники анализа, с другим пространством охвата и временем последствия.

Панорамного зрения не хватало и в мирное время, но у фронтовых прицелов своя оптика. Они выхватывают лишь отдельные сцены театра военных действий, их политического сопровождения и прикрытия. Резкость, диафрагма и фокус сокращаются до такой степени, что за кадром оказываются вызовы и сверхзадачи, ещё вчера и экспертами, и деловым активом, и политиками, и самой властью безоговорочно признававшиеся неотложными, критичными для страны «по жизненным показаниям».

Надо иметь железные нервы и мозги, чтобы на фоне совершенно убийственных хроник и перегретых эмоций доказывать, что большая гражданская повестка «смены вектора развития» именно сейчас не только не снята и даже не отложена до лучших времён, а наоборот, выдвинута на первый план как императив выживания. Это, по сути, весь комплекс проблем, включающий: зависимость от импорта товаров и технологий в обмен на экспорт сырья и энергоносителей, тупики сырьевой модели и ресурсного социума, засилье паразитарных стратегий, перерождение институтов и практик, самого государства... Вопреки расчетам весь этот и без того просроченный исторический вызов в боевой обстановке включается буквально в расписание дня. Картина называется «Не ждали».

Но, похоже, сейчас такого рода проблемные излишества мешают всем – и пацифистам, и борцам за мир, желательно за весь. И это можно понять. Психические защиты предохраняют нервы человека и социума от перегрузки. В политике человек прячется от истории. В переживаниях быстрой политики человек прячется от большой истории с ее подчас непереносимыми масштабами и оценками. Оперативная идеология также сбрасывает все, что мешает жить и совершать поступки, не приходя в сознание. «Так трусами нас делает рассудок», и вся наша готовность «теряет имя действия».

Однако при всех радостях наступательного порыва системные проблемы не получится отложить на «после победы». Во-первых, никакого «после» не будет. Независимо от фаз боестолкновения или перемирия на любом этапе эта линия фронта прочерчена куда глубже, если не навсегда. Во-вторых, настоящая эскалация процесса уже не очень зависит даже от гипотетической остановки конфликта. Многое ещё впереди, хотя и через паузу. Вопрос месяцев. Далее все, записанное в категорию «пока не горит», начнет взрываться от любой детонации. Военный «акселератор» сжимает резерв времени даже не в разы, а до нуля. Скоро в сообщениях от российского информбюро начнёт меняться сам репертуар, отражающий совсем другой состав и масштаб текущих проблем.

2. «Смена вектора развития» как цивилизационный вызов и политический консенсус

Не так давно в России был редкий момент, когда программные идеи экспертного сообщества и самой власти чудесным образом совпали, в том числе в в аналитических записках и официальных документах.

В политическом отношении этот момент был несколько пикантный, но по-своему удачный. К 2008 г. наблюдается явный всплеск активности в сфере стратегического планирования и программирования развития. Во многом этот пик активности был связан с предстоящей паузой в президентстве, именуемой «местоблюстительством Медведева». Путин отправлялся в «командировку» на место премьер-министра, председателя Правительства, то есть второго лица в официальной иерархии, но при этом было важно показать, кто в действитель-

ности остается национальным лидером и распорядителем всей стратегической ориентации и переориентации. Уже поэтому понадобился собранный и сформулированный корпус предначертаний, которые местоблюститель должен был исполнять за время своей миссии. Отсюда не очень стандартная, но вполне понятная ситуация: на выборы президента шел Медведев, а стратегический проект развития лучшие эксперты и наиболее авторитетные аналитические структуры страны разрабатывали как неформальный «План Путина». Или, как минимум, как главную версию «Плана Путина». Можно предположить, что если бы не эта пауза и не потребность в публично явленном предначертании, таких усилий в сфере разработки стратегии мы бы ещё долго не дождались.

И надо признать, формулировались эти требования крайне резко. В 2008 г. Владимир Путин разъяснял на расширенном заседании Госсовета РФ, посвящённом стратегии национального развития:

«Несмотря на отдельные успехи последних лет, нам пока не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария развития. Естественно, ничего плохого ни в подъёме энергетики, ни в росте добычи сырья нет. Напротив, формирование современного, лучшего в мире энергетического сектора, создание высокотехнологичных предприятий, добывающих и перерабатывающих сырьё, входят в число наших безусловных приоритетов.

Однако и сейчас на фоне благоприятной для нас экономической конъюнктуры мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики. И это неизбежно ведёт к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров.

Следуя этому сценарию, мы не добьёмся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни её нормального развития, подвергнем угрозе само её существование, говорю это без всякого преувеличения» [Выступление Владимира Путина... 2008].

При всей слабости к сильным выражениям руководства административно-политическая вертикаль отнеслась к этим почти отчаянным призывам «перпендикулярно», как к очередному эффектному преувеличению. Понадобилось пережить целую военную экспедицию с поистине глобальным эффектом, чтобы увидеть, до какой степени все это не пустые, хотя и подозрительно громкие фразы. При этом речь не только о предупреждениях и страшилках, но и о конструктиве. Уже сейчас ключевые пункты программ и «дорожных карт» стратегических разработок того времени врываются в актуальную повестку, но уже в совсем ином качестве. Теперь они востребованы не только как стратегические установки, но и как оперативные задачи, которые надо не «решать» (как все эти годы), а решить, результативно и быстро. Далее нам останется с живым интересом наблюдать, как лавина базовых проблем, заведомо не решаемых ручным управлением и чисто технически, будет сносить даже скромные ожидания от попыток запуска альтернативы. Это проблемы перераспределения и недопроизводства, регулирования и контроля, собственности и власти, прессинга и барьеров, нормативно-правовой базы, институциональной среды в целом. Технократия опять упрётся в гуманитаристику, в проблемы социально-политической культуры, обычного права и практик повседневности, массовой ментальности и психоидеологии, динамики сознания и инерции коллективного бессознательного, самой философии перезревших преобразований. Для многих это «новое» расписание занятий будет ликбезом с принудительным практикумом и очень доходчивыми выводами.

Или не будет. История умеет так «ничему не учить», что отбрасывает неуспевающих на вечную пересдачу.

3. От фрагментарного импортозамещения к производящей цивилизации

Многое уже сейчас вполне осязаемо. Одно из понятных и жизненных заданий – форсированный запуск собственных производств. Тема изначально была встроена в общую идеологию импортозамещения, но пока реализуется скорее как выборочный, реактивный ответ на санкции в отдельных проектах и программах. Но импортозамещение это стратегия и политика, а не список изделий. Начинается с простых товаров, от таблеток, гвоздей и семян свеклы, но далее номенклатура «дыр» растёт, как снежный ком. Дефицит мелких комплектующих может останавливать уже не импорт, а целые «собственные» производства. Здесь важна общая тональность: либо это очередные победные реляции, рапортующие об успехах импортозамещения и обхода санкций, – либо честный и серьёзный разговор о проблеме в её истинном, поистине цивилизационном масштабе. Со временем даже отпетые энтузиасты сталкиваются с проблемами повышения себестоимости при снижении качества замещающего ответа.

Далее выясняется, что здесь не обойтись запуском отдельных производств: речь идёт о восстановлении производства как такового (а это и есть «смена вектора»). Академически бескомпромиссная формулировка: «Россия производит впечатление великой страны, но больше ничего не производит» (с), кроме шуток, отражает видовое отличие, типаж политэкономии. Начинается с примитива голландской болезни (при заоблачных ценах на сырьё и энергоносители сначала проще и дешевле купить чужое, а потом нечего восстанавливать из своего). Но затем пресловутое сырьевое проклятье перерастает, уже переросло в проклятье институциональное. Система институтов и практик, работающая на перераспределение доходов от сырьевых продаж, враждебна собственному производству в корне и по определению. Типичная игра с нулевой суммой. И когда сырьевая модель входит, наконец, в терминальный кризис, «вдруг» выясняется, что требуемая несырьевая альтернатива, во-первых, нужна сразу и вся в готовом виде, а во-вторых, не возникает в одночасье и по приказу.

И наконец, поверх этого всплывает задача экспортозамещения – вытеснения экспорта добытого экспортом произведённого. Цель: обеспечить предложение вовне собственного несырьевого продукта для эквивалентного обмена в необходимых объемах.

Упреждающие меры здесь должны приниматься из затакта, заранее, с учётом лага, сопротивления, пробуксовок и практически исчерпанного ресурса времени. Есть мнение, что зоны принятия решений и точки невозврата уже пройдены, и даже не вчера, однако многие до сих пор готовы утешаться паллиативами и отдельными примерами для поддержания иллюзий у начальства. Когда-то подобное ласково называлось очковтирательством.

4. Опаздывающая модернизация и хроническая демобилизация

В более общем виде преодоление зависимости от экспорта сырья и импорта товаров и технологий трактовалось как смена цивилизационного вектора развития в общей идеологии модернизации. Установка была центральной в правительственной «Стратегии 2020», в программных проектах ИНСОРа (Института современного развития), в частных разработках: «Мегапроект для России: идеология, политика, экономика» [Рубцов, Богословский 2007]; «Мегапроект. О формате и контурах стратегии национального развития» [Рубцов, Богословский 2008]; «Между нефтью и хай-теком» [Рубцов 2008б] и др. Тема неизбежного коллапса сырьевой модели стала общим местом в обсуждении контуров будущего. Даже силовики щеголяли заявлениями о том, что «технично-внедренческие зоны спасут страну, когда рухнет сырьевая экономика» (Сергей Иванов). Здесь дорого каждое слово: во-первых, «спасут», во-вторых, «рухнет», а в-третьих, именно «когда», а не «если»!

Тема была дежурной и едва ли не из любимых. Она окрашивала образ правления эпохальным масштабом мысли и грядущих свершений, всеми оттенками устремлённости в будущее, здоровым прогрессизмом, элементами мужественной, честной самокритики. И заботой: обращёнными к себе и к аппарату требованиями снизить административный прессинг можно было регулярно обнадёживать бизнес и деловой актив, хотя в жизни процесс шёл в обратную сторону. В ритуальных текстах власти идеи дерегулирования стали уподобляться клятвам верности ценностям демократии и свободы. «В наши планы не входит передача страны в руки неэффективной корумпированной бюрократии» [Послание Президента РФ... 2005]¹. Политическая воля мерами разгоралась в посланиях Федеральному Собранию – но тут же снова угасала.

Помимо прочего сказались издержки всё той же технократии вкупе с экономоцентризмом. Незавидную в итоге судьбу сырьевой модели с самого начала связывали прежде всего с перспективами технологического прорыва, экологии, энергосбережения, возобновляемых источников и прочей «декарбонизации». Характерный довод того времени: в альтернативную энергетику уже вкладываются огромные средства, а «Капитализм фантастику не финансирует» [Рубцов 2008а]. И как только достигается экономический эффект, в проект тут же вливаются уже совсем другие ресурсы – и ситуация меняется кардинально. Все это более или менее понимали, однако было удобнее считать, что такой «прорыв» все же будет постепенным и мягким. Например, слагались и вздувались в уши начальству целые сказания о том, что все спасёт глобальная переориентация, что в худшем случае углеводороды все равно будут востребованы экстенсивно развивающимися экономиками Китая и Индии. Одновременно с этим бессовестно приукрашивались наши инновационные достижения и сами инфраструктурные преобразования. Это как на дозе седатива падать с девятого этажа в слепой уверенности, что на полпути ты обязательно за что-нибудь зацепишься.

5. Политический демарш как «каприз истории»

Однако в практической истории сработало и вовсе нечто неожиданное. Обострения ждали от научно-технического прогресса и запросов среды, но не от соседей по планете, ради политики готовых на радикальные меры даже в ущерб себе. До этого политика как фактор и триггер в данном контексте если и упоминалась, то лишь в конце списка разрушителей сырьевой модели и как очень туманная опция. Что-то вроде обоюдоострого энергетического шантажа при якобы симметричной зависимости. В какой-то момент «сырьевому придатку» и вовсе надоело это самоуничтожение, и он торжественно провозгласил себя «энергетической сверхдержавой», к тому же готовой повоевать, расплачиваясь за это самой глобальной миссией поставщика энергоресурсов, самой ролью «повелителя трубы».

Сказались также проблемы с логикой рисков с неприемлемым ущербом. Такие риски принято гарантированно купировать при любой, сколь угодно малой, исчезающе ничтожной их вероятности. Атомные станции (и национальные стратегии) не строят по принципу: если рванет, то накроет всех, хотя вряд ли. Ненулевая вероятность здесь обслуживается как почти максимальная².

¹ Один из авторов «Новой газеты» озаглавил свой комментарий следующим образом: «Путин выступил против ветра».

² В свое время один очень высокопоставленный руководитель соглашался с автором этих строк в серьезности проблемы, однако все же склонялся к надежде, что переход будет сравнительно мягким. Сработала следующая сценарная аналогия. Представим себе, что в этот самый момент в кабинет заходят представители ФСО и сообщают, что по их данным помещение заминировано, хотя и с вероятностью не более 3–4 %. По их же данным взрыв может состояться через 1–2 минуты, но примерно с той крайне малой вероятностью. Вопрос, в каком режиме мы будем эвакуироваться: обсуждая сценарии и собирая документы – или же опережая собствен-

Однако злая ирония истории поперёк всех мыслимых прогнозов привела в действие вовсе не технологический, а именно политический фактор, да ещё в полном военном обмундировании. Модель вошла в кризис со скоростью гиперзвука и с такой силой, какую даже близко нельзя было себе представить во всех других сценариях. Кризис оказался необязательным и по взрывному масштабу неожиданным для самой активной стороны. Классический каскад бифуркаций, когда малые сигналы на входе дают в принципе непредсказуемые и «несоразмерно» сильные эффекты на выходе из черного ящика. И выдающийся пример рукотворного, даже силового вмешательства в естественно-исторический процесс, когда запрос на смену вектора и альтернативу становится исторически мгновенным, вовсе не оставляя времени и сил на разглядывание, а тем более повтор собственных ошибок.

6. Рваные хроники дерегулирования

В начале 2000-х обозначились два «тихих лозунга»: преодоления технологического отставания и стратегии дерегулирования (дебюрократизации). «В одно дело» их не объединяли, хотя связь ясно читалась и команды взаимодействовали. С культом идеи смены вектора развития с сырьевого на инновационный, стало и вовсе ясно, что весь этот вокабулярный «экономике знания», «человеческого капитала», «четвёртого уклада», «технологического рывка» и т. п. в существующих условиях рискует остаться пустым звуком. Хотя бы потому, что государство и здесь рвалось активно участвовать и всячески помогать, вместо того чтобы для начала не мешать и максимально самоустраниться. Трудно представить себе, чтобы госслужащие и государственные деятели, отвечающие за направление, внутренне и публично признали, что проблема не в дефиците их внимания и содействия, а как раз в том, что они есть главное бревно на пути прогресса, инноваций да и просто отечественного производства.

Отсутствовало также понимание проблемы середины: прежде чем производить новые и сложные, надо сначала восстановить способность к производству простого и старого. А значит – и кадры среднего звена, практически выбитого десятилетиями расцвета сырьевой энергетики.

Однако там, где намечался распил гигантских бюджетов, понимание истинной сути проблемы приходило мгновенно и до конца. Чтобы построить одно только Сколково, понадобился специальный ФЗ № 244 от 28.09.2010, отменяющий для отдельного привилегированного проекта принятую нормативную базу и практику техрегулирования, со всей системой норм и правил, допуска на рынок, государственного контроля и надзора. Практически всё отдавалось «на усмотрение управляющей организации». Таких открытых норм не помнит ни одна легислатура. Но не учитывалось (во многом сознательно) главное: любой продукт, произведённый в этом райском заповеднике, в итоге все равно выйдет за границы Сколково, а там вместе со всеми прочими инновациями умрет в общем регуляторном аду, хотя бы на пресловутой стадии внедрения. Тоже с Роснано: судя по всему, мы ещё очень нескоро полетим на самолётах, собранных нанороботами из обычного песка.

С тех пор на высшем уровне был предпринят целый ряд спорадических заходов на дерегулирование и дебюрократизацию. И в этой последовательности есть своя логика и своя динамика. Они все более отдаляются от проработки и основательности первоначальных заделов с их идеологией и философией, методологией и алгоритмами взаимодействия множества экспертов, функционеров и представителей делового актива, не говоря об адаптированных схемах проверенных мировым опытом. В целом они становятся все менее системными, но все более шумными и наивными. Последний эпизод – «регуляторная гильотина – 2021» с претензиями на радика-

лизм, но и с признаками вырождения в обычную шинковку. Большинство таких заходов объединяет отчаянная импровизация при дефиците добротного знания о том, как это вообще бывает и почему срывается, особенно в России. И это принципиально: в нашем положении важно знать, не столько как надо, сколько почему мало что получается, даже когда, казалось бы, есть и воля, и предпосылки.

7. Институциональная реформа как война за государство

Уже из первых заходов на институциональные реформы начала 2000-х (административная и техрегулирования, отчасти саморегулирования) стало ясно, что в обычном режиме дело обречено. Это как на сверхмощном движке давить газ в пол при заблокированных тормозах (когда-то блондинка так сожгла на Рублевке новый Феррари).

Стране необходима метареформа – реформа самой модели реформирования, создание принципиально иной системы управления институциональными реформами. Но сейчас речь не идёт даже об обычных преобразованиях. Само импортозамещение большинством воспринимается как гражданское продолжение спецоперации, управляемое из штабов и реализуемое полевыми командирами производств на местности экономической дислокации. Политическое руководство да и общество в целом пребывают в иллюзии, будто исполнительное звено спит и видит, чтобы ему поручили то, что поручили, что оно и в самом деле намерено преследовать цели, обозначенные начальством, а не свои собственные, строго говоря, диаметрально противоположные заявленным в центре и сверху.

Вообще говоря, у нас даже в армии есть проблемы с командованием низшего и среднего звена. Но в битвах за реформы все гораздо хуже. Как только институциональные реформы приближаются к порогу реализации, в стране начинается подлинная война за государство, причём центрами сопротивления оказываются те же ФОИВ, регуляторы и надзоры – государственные органы, хорошо самообученные «валить» реформы с использованием административного ресурса и средств федерального бюджета.

Для воюющей страны, ориентированной на фундаментальную переориентацию институтов, которую приходится проводить прямо на марше, это означало бы открытие второго фронта, на этот раз ещё и внутреннего. И это даже не «пятая колонна», а целый социально-экономический и политический класс, в ряде отношений тихо господствующий, но в результате преобразований теряющий силу, статус и сами источники существования.

Типичная борьба за жизнь в формате «мы за ценой не постоим». «Сверление», ответвление и «отжатие» потоков – единственное, что эти люди умеют, хотя и делают это виртуозно, включая умение сохранять статус кво при любых фантазиях, при сколь угодно мобилизованных и сконцентрированных ресурсах обновления. Сначала они целыми ведомствами демонстрируют заполошный энтузиазм и полную лояльность реформам, что позволяет оттянуть на себя и лозунги, и само управление преобразованиями. Затем на смену приходит вялый, но все менее осторожный саботаж, обеспечивающий пробуксовку и подводящий к идее системных ошибок в самой идеологии реформации. И наконец, наступает фаза откровенной контрреформы без выбора средств. Характерный пример – публикации и мероприятия, которые в своё время непосредственно организовывались «заинтересованными» органами власти в отношении ФЗ «О техническом регулировании». Этот законодательный акт называли оплаченной иностранной диверсией и «Законом развала российской экономики», игнорируя тот факт, что концепцию с лучшими экспертными силами готовило Экономическое управление Президента, в согласовании с ФОИВ вносило в Думу Правительство, дорабатывал профильный комитет и в трёх чтениях принимала ГД, утверждал Совет Федерации, подписывал Президент и публиковала «РГ» как самый официальный издатель решений власти.

В данном случае «война за государство» понимается буквально. В свое время создание административно-командной, плановой политэкономии вовсе не случайно проходило в условиях Гражданской войны, причём не только в открытой её фазе, но и десятилетиями после периода террора, тачанок, убийственной экспроприации и т. п. Однако требуемые сейчас преобразования – и вовсе другого уровня. Это именно другая размерность, на этот раз многовековая. Всерьёз сменить вектор развития на порядок сложнее, чем построить экономику госсобственности и госплана, а потом пытаться воссоздать на её руинах подобие цивилизованного рынка да ещё инновационными претензиями. Сырьевая, ресурсная модель – это уже совсем другая историческая глубина и другой, цивилизационный масштаб, другие скорости и сверхтяжелые инерции. Сырьевым здесь становится буквально всё. В этой модели, проникающей, эволюционирующей и закрепляющейся с незапамятных времен, само население воспринимается как возобновляемый ресурс. Даже производство мозгов и знания превращается в сырьевые отрасли, в «производства низкого передела» и предмет дармового экспорта. Лен, пенька, лес, мёд... теперь слегка модернизированный нефтегазовый комплекс с ограниченным набором редких металлов. Традиционные российские ценности, до времени торгуемые по очень хорошим ценам. Они во многом сделали нашу историю, подобно тому как в Австралии овцы съели людей.

8. Why Nations Fail. Why civilizations die

И наконец, сама эсхатология «нефтедобывающей цивилизации» или «цивилизации нефти».

В атмосфере «торжества расцвета процветания» как-то неуместно звучат разговоры о серьезных проблемах, тем более о смерти (хотя бы и по аналогии). Идеология величия автоматически предполагает презумпцию вечности. Все теоретически знают о цикличности, о возможности смены периодов подъема и упадка, однако стараются не применять эти схемы к себе и вообще «не будить спящую собаку» во избежание ненужных параллелей.

Тем не менее исследовать эту проблему крайне важно, причём как с научной точки зрения, так и практический – и именно во избежание худших вариантов развития событий.

Для нашей теории цивилизации, цивилизационного развития и цивилизационных проектов эта тема имеет особый смысл, поскольку в методологии контурного картирование обнаруживает серьезные, даже фатальные лакуны. Наша традиция с видимым удовольствием анализирует культуру, сознание, духовность, геополитику, отношения – но при этом, уделяя внимание всему, что «выше пояса», часто почти игнорирует материальную составляющую, точнее, материальные составляющие цивилизации, в том числе такие банальные вопросы, как элементарные источники существования. Это тем более интересно, что всемирная цивилизационная эсхатология располагает рядом поучительных, в том числе для нас, примеров ухода целых проектов и их перерождения. Цивилизация городов Майя погибла от простой засухи; коммунистический проект, идеологически почти глобальный, буквально на глазах ныне живущего поколения погиб от пересыхания потока нефтедолларов. У Бразилии есть понятие «растения цивилизаций»: рис, майонез, пшеница... Возможно, это и есть предельный уровень генерализации. К цивилизации риса и сейчас относится более половины человечества. В новейших продолжениях этой темы есть понятие «нефтяная цивилизация» – как глобальное явление [Рейган 2008]. Наряду с этим Россия сейчас представляет собой интереснейший и по-своему уникальный случай «нефтедобывающей цивилизации» [см.: Рубцов 2019], к тому же оказавшейся в сложном, если не в критическом положении. Проблемы несырьевой альтернативы – убедительное тому подтверждение.

Но сейчас российской цивилизации может хватить даже «простой» угрозы необратимости отставания. Эпоха догоняющих модернизаций заканчивается, уже закончилась. Прямо сейчас

мир делится на тех, кто успевает войти в поток сверхбыстрых изменений, и на тех, кто в него уже никогда не войдёт. Или не вернётся. Похоже, это и есть главная на данный момент срочная альтернатива. Ещё одно пустое сказанье – и летопись остатков величия окончена.

Выступление Владимира Путина... 2008. *Выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года».* 8 февраля 2008 года. – Доступно: <https://www.prilib.ru/item/406042>. – Проверено: 30.04.2022.

Послание Президента РФ... 2005. *Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г.* – Доступно: <https://dokipedia.ru/document/5194998>. – Проверено: 30.04.2022.

Рейган Б. 2008. Будущее нефтяной цивилизации – *Популярная механика*. – 27 апреля. – Доступно: <http://www.popmech.ru/technologies/7624-budushchee-neftyanoy-tsivilizatsii-i-naskolko-vsego-etogo-khvatit/>. – Проверено: 30.04.2022.

Рубцов А., Богословский С. 2007. *Мегaproект для России: идеология, политика, экономика*. – М.: Изд-во «Известия» Управления делами Президента РФ, Филиал Спецпроизводство. – 117 с.

Рубцов А., Богословский С. 2008. *Мегaproект. О формате и контурах стратегии национального развития*. М.: Социум. – 47 с.

Рубцов А. 2008а. Капитализм фантастику не финансирует – *Российская газета* – 29.05.2008.

Рубцов А. 2008б. Между нефтью и хай-теком – *Независимая газета*. – 16.01.2008.

Рубцов А.В. 2019. Нефтедобывающая цивилизация. Система понятий и масштабы бедствия – *Неприкосновенный запас*. – № 4. – С. 148–164.